

ПРОБЛЕМАТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОСТИ

Владимир Геннадьевич Богомяков

ИЛЛЮЗИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

В статье говорится о сложности и противоречивости понятия «современность»; о новизне как экзистенциальной и художественной ценности; о выборе той или иной современности исходя из определенных ценностных оснований.

Сидящий в Лефортово писатель и основатель НБП (Национал-большевистской партии) Эдуард Лимонов пишет очень интересную книгу под названием «Другая Россия». Отрывки из нее не так давно появились в Интернете. В этих отрывках выдвигаются два тезиса. Тезис первый: в России все так плохо, потому что она до сих пор читает книги XIX в. — Пушкина, Достоевского, Чехова, в которых отсутствует воинский дух и описывается человек слабый и закомплексованный. Тезис второй: Россия не знает современных художественных и философских открытий двадцатого века, каковыми являются Ж. Жене, Эвола, «Золотая ветвь» Фрэзера и «Майн Кампф» Гитлера.

Совершенно понятно, чем Лимонову не угодил девятнадцатый век. Христианским сознанием, ясным пониманием «что такое хорошо и что такое плохо». Это было время, когда слова о грехе и праведности, добродетели и пороке еще не вызывали в массах веселого смеха. Однако какая такая Россия сейчас зачитывается Пушкиным? Какая такая Россия лелеет странные толстовские идеи о непротивлении злу силою? Не знаю я такой России. Но знаю Россию, читающую Маринину и Акунина. Знаю — читающую Лимонова и Дугина. Знаю — совсем ничего не читающую. А России, зачитывающейся Пушкиным, больше нет, к сожалению. Почему-то в лимоновский список философских и художественных открытий XX века не попали Сартр, Хайдеггер, Фуко, Пруст, Гессе. По-разному можно к ним относиться, но ради объективности следовало бы их упомянуть.

Но самое главное, что вызывает возражение, — это жгучее лимоновское желание не отстать от века, попасть на корабль современности, не остаться в прошлом, где место лишь неудачникам... Согласно такому футуристическому сознанию, новое — это высшая ценность, которой может обладать человек. Стремление к самодостаточной новизне — это выражение экспансивно-освоительной интенции современной цивилизации, программирующей постоянное раздвигание границ и бесконечное преодоление всяческих пределов в стремлении трансцендироваться. Новое — это ослепительная реальность, которую ваяют где-то за рубежом два-три маргинала. И нужно нам обязательно к этому новому приобщиться, иначе станет нам плохо, станет нас ломать и корезить, а то и вовсе согнет в бараний рог. Но понятие «современность» при ближайшем рассмотрении размывается и теряет свой блеск.

Современность как центральность сомнительна в качестве абсолютной ценности, так как периферия и провинция часто душевнее, правильнее, самобытнее, находчивее. Да и что есть центр? Центральность его всегда относительна. Современность как продукт прогресса не менее сомнительна, ибо человек безмерен и бездонен, его нельзя выразить, прописать, проговорить до конца, он — Тайна. Экзистенция, как известно, не выразима окончательно на языке понятий. Мы создаем разного рода редукционистские схемы, всевозможные усеченные образы человека (рассматривая его в сексуальном, экономическом, политическом, пространственном и прочих аспектах), но понимаем при этом, что все они лежат в разных плоскостях и на разных уровнях: прогресс для человека экономического может обернуться регрессом для человека сексуального. Зацкливаясь на современности, мы начинаем искаженно понимать само бытие: для нас оно представляет собой лишь гераклитовский поток, в котором нет и не может быть ничего устойчивого. Но бытие антиномично и чудесным образом, несмотря на процессуальность, обнаруживает в себе и некую субстанциальность, некое твердое основание. Мы ждем от современности прекращения монотонности нашего существования, прерыва постепенности, но, как пишет в одной из своих последних статей Б. Гройс, современность вдруг предстает перед нами в качестве унылой одномерности, лишаящей любую вещь корней в ее историческом топосе и переносящей ее в утопическое пространство чистой синхронности. Нередко сияющая новизна и прекрасная современность являются лишь уловками попсы, имеющими чисто коммерческий смысл и позволяющими легко и безболезненно менять персонажей поп-культуры, создавая иллюзию обновления. Часто в погону за ускользающей современностью нас гонит страх: мы боимся остаться в пределах ненастоящего, неподлинного мира и стремимся все вперед и вперед, где за следующим поворотом и должно нас ожидать подлинное бытие. Но поиски матрицы как генератора искусственной реальности и ложного мира неминуемо связаны с болезненными сомнениями в своей идентичности. Вирус сомнения, попавший в кровь, заставляет сомневаться и во вновь обретенной современности, и в себе самом.

Ориентация на современность может лишить нас Вечности и Мига, без которых мы не сумеем называть себя людьми в полном смысле этого слова, а будем должны считаться, скорее, некими биороботами, выполняющими четкую программу с целью достижения определенной заданной точки. Однако время, по представлениям современной философии, это не линия и не цикл, но сложное множество. Плюрализм разновидностей современности лишает авангардистский и модернистский дискурс изрядной доли самоуверенности. Богом мне предоставлен выбор, и я могу выбрать себе современность маскультурную, а могу — совершенно иную. Традиционный тип интеллектуала предполагает определенную укорененность в бытии, в том числе и при помощи нормативно-ценностных оснований. Погоня за современностью приводит к мутации интеллектуала, к превращению его в так называемого культурала, для которого главным является самоманифестация своих сиюминутных состояний и полное забвение понятий о хорошем и плохом. Иногда новое в культуре представляется нам в качестве своего рода освоения недо-культурных и ино-культурных пустошей, однако, беззаветно устремляясь вперед, мы утрачиваем здоровую стабильность и легко можем потерять иммунитет к разного рода деструктивным и разрушительным процессам. Под влиянием очарования новизны культура может глотать яд, считая его при этом чудодейственным бальзамом.

Зачем же нужно быть современным? Как можно понять из лимоновского произведения, современность дает ощущение полноты бытия, силу, энергию, понимание и ясность сознания. Но все эти признаки относятся не к современности, а к абсолютности, которая есть не современность обыденно-повседневная и не современность модернистская, но событийно-онтологическая Сверхсовременность,

дающая радость и доверие к бытию. Неабсолютное, условное существо — человек — жаждет абсолютности и безусловности. С Богом бытие человек наполняется, приобретает смысл и высшее назначение, и не важно, живет он в Париже или на Таймыре, знает он, кто такой Эвола, или не знает. Поэтому и решил я, прочитав «Другую Россию», что Эдуарду Батьковичу, как человеку, по-моему, крещеному, необходимо, как выпустят его из застенков, пойти в церковь, исповедаться и причаститься. И станет ему тогда хорошо и без всякой современности.

Александр Валентинович Павлов

ФИЛОСОФСТВУЮЩИЕ СОВРЕМЕННОИКИ

Статья посвящена проблеме современности как контемпоральности, рождающей философские фигуры — главный итог философствования современника. Рассматриваются классицизм, модернизм и постмодернизм как типы мышления, актуальные для современной России.

В недавней истории философии во Франции мы можем наблюдать переход от поколения «трех Н» к поколению трех «властителей подозрения».

Винсент Декомб

С о времен Декарта классическим считается вопрос о предмете и методах рационального познания. В этой статье говорится о философе и результате его философии, о том, кто философствует и что получается в итоге. Эта кантовская проблема сегодня особенно актуальна, мы живем в стране, которую история поставила в философскую ситуацию. Мы все, пусть вынужденно и неосознанно, но философствуем. Философское отношение к жизни помогает надеяться, что из глобального кризиса нашей культуры есть выход.

Наиболее интересна, конечно, Россия, но подступать к ее философствованию придется через Европу. Что поделаться: в российское сознание все проникает через Европу.

Что бы ни говорилось о России, но ее культура — европейская. Европейская же культура, по существу, — книжная и трансцендентная. Представление о границе между двумя мирами — высшим и низшим — признак ее специфики. История европейской культуры является перемещением ценностей через границу между обоими мирами. Средневековая Европа всю систему своих ценностей располагает по одну сторону границы, новая Европа — по другую сторону, но сама граница неизменна и зовется иррациональностью. В таком случае история европейской культуры — это гигантское превращение, где точкой перелома выступает Возрождение. Ну что может случиться в вывернутом наизнанку мире? Ничего, кроме того, что он перевернется еще раз.

«Три Г» из эпиграфа — это Гегель, Гуссерль и Хайдеггер. Поэтичное название властителей подозрений, по мнению В. Декомба, заслужили Маркс, Ницше и Фрейд. В. Декомб делает из этого наблюдения свои выводы, нам же придется сделать другие. Сегодня мы переживаем интеллектуальный переворот, похожий на тот, что произошел в Европе: Гегель сменяется Фрейдом. Мы вполне можем перефразировать В. Декомба, писавшего, конечно, о Франции: в России после 1991 г. гегельянство сходит со сцены и не занимает больше господствующего положения. Вернее, оно, естественно, сохраняет позиции в провинциальном мышлении, но в целом возобладал постмодернизм, причем возобладал настолько, что даже Гегель, даже советская философия и научный коммунизм, сохранившиеся во многих умах, стали постмодернистскими учениями.